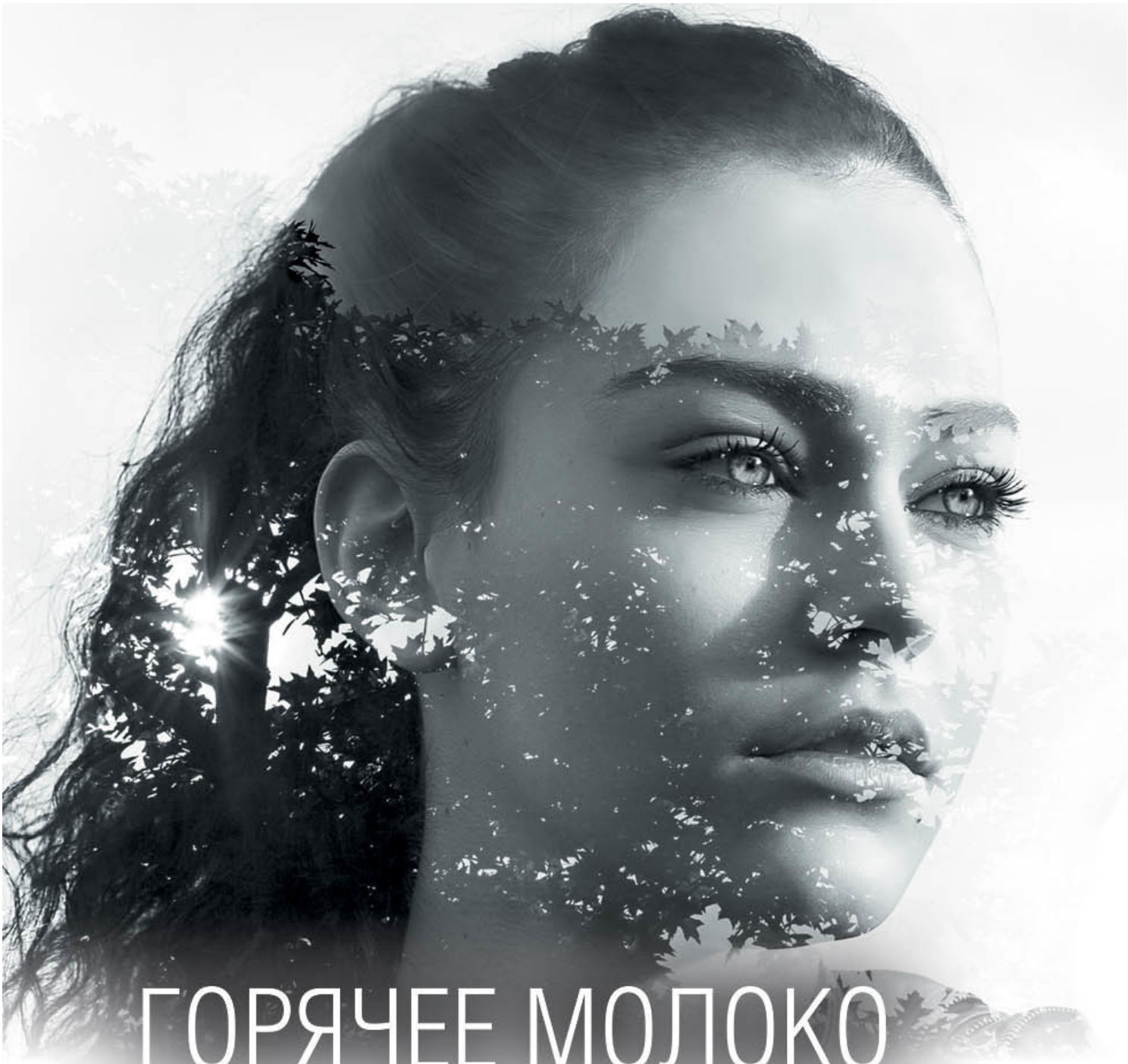

ГОРЯЧЕЕ МОЛОКО

ШОРТ–ЛИСТ
БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ
2016 ГОДА

ДЕБОРА ЛЕВИ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

Интеллектуальный бестселлер

Дебора Леви

Горячее молоко

«Эксмо»

2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Леви Д.

Горячее молоко / Д. Леви — «Эксмо», 2016 — (Интеллектуальный бестселлер)

ISBN 978-5-04-097624-9

Молодая героиня София, сменившая профессию антрополога на работу официантки, приезжает с больной матерью Розой в испанский городок. Между хрупкой и не уверенной в собственном будущем Софией и властной Розой намечается конфликт: Роза относится к дочери как к служанке и недовольна ее пассивностью и холодностью. Личная драма дочери постепенно перерастает в нечто большее: Испания превращается в мифический берег, с медузами, таинственными целителями, странными предзнаменованиями. «Горячее молоко» – роман-мираж, поэтичный и переливчатый.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-097624-9

© Леви Д., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Август 2015 года. Альмерия. Юг Испании 6
Доктор Гомес 12
Леди и джентльмены 24
Стук 29
Море идет к Розе 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Дебора Леви
Горячее молоко

© Петрова Е., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Август 2015 года. Альмерия. Юг Испании

Сегодня в пляжном баре уронила на бетонный пол свой ноутбук. Он выскользнул у меня из черного каучукового чехла (в форме кармана) и грохнулся экраном вниз.

Это я к чему говорю: если он разбит, то вместе с ним и я. У меня экранная заставка – лиловое звездное небо: тут тебе и созвездия, и Млечный Путь (в классической латыни *Via Lactea*). Много лет назад мама сказала мне, что «Млечный Путь» по-гречески пишется γαλαξίας κύκλος и что Аристотель наблюдал этот молочный круг в Халкидиках, откуда тридцать четыре мили до нынешнего города Салоники, где родился мой отец. Древнейшей звезде тринадцать миллиардов лет, но на моей заставке всем звездам два года, и сделаны они в Китае. Теперь Вселенная треснула.

И я тут бессильна. Наверное, в соседнем захолустном городишке есть интернет-кафе и его владелец иногда принимает компьютеры в мелкий ремонт, но сейчас придется заказывать новый экран, который придет через месяц, не раньше. Буду ли я здесь через месяц? Не знаю. Это зависит от моей недужной матери, которая сейчас спит под противомоскитной сеткой в соседней комнате. Проснется и закричит: «София, воды»; я принесу ей воды – и, как всегда, не той. Я уже не уверена, что такое «вода», но принесу на свой выбор: из холодильника, не из холодильника, из чайника – вскипяченную и остывшую. Глядя на звездные поля своей заставки, я то и дело причудливым способом улетаю за пределы времени.

На часах всего одиннадцать вечера; я могла бы дрейфовать по морю на спине, глядя в настоящее ночное небо, на реальный Млечный Путь, да только дергаюсь из-за медуз. Вчера после обеда меня одна такая ужалила повыше локтя, наградив жутким лиловым рубцом, как от удара плетью. Пришлось нестись по раскаленному песку в дальний конец пляжа к сараюшке-медпункту, чтобы получить какое-нибудь снадобье у студента (с окладистой бородой), который целыми днями несет свою вахту для оказания помощи ужаленным купальщикам. Он меня просветил: по-испански «медуза» так и будет *medusa*. Раньше я думала, что Медуза – это древнегреческая богиня, которая была проклята и стала неумолимым чудовищем: всякий, кто встречался с ней взглядом, превращался в камень. Почему, интересно, в ее честь назвали студенистое животное? И бородач ответил: да, все так, но, по его мнению, щупальца студенистого животного напоминают волосы Медузы, которые всегда изображаются в виде спутанного клубка извивающихся змей.

Перед входом в медпункт я успела заметить желтый предупредительный флаг с картинкой мультяшной Медузы. Клыки и безумные глаза.

– Когда поднят флаг с таким значком, в воду лучше не заходить. Разве что на свой страх и риск.

Студент приложил к ранке вату, пропитанную подогретой морской водой, а затем попросил меня внести свои данные в бланк, больше похожий на петицию. Это был список отдыхающих, которые в тот день пострадали от медуз. На бланке требовалось указать имя, возраст, род занятий и страну происхождения. Непосильная задача, если предплечье у тебя покрылось волдырями и горит. Парень объяснил, что ему приходится у каждого брать подпись для того, чтобы медпункт не закрыли, – времена в Испании тяжелые. Не будь у туристов спроса на его услуги, он бы остался без работы, поэтому медузам он явно рад. Они дают и кусок хлеба, и бензин для мопеда. Вглядевшись в бланк, я увидела, что возраст ужаленных колеблется от семи лет до семидесяти четырех; в основном это приезжие из разных концов Испании, но среди них затесалось несколько туристов из Великобритании и один из Триеста. Всегда хотела побывать в Триесте, потому что название звучит почти как *tristesse*, забавное словечко, хоть и означает по-французски «печаль». По-испански это будет *tristeza*, что на слух тяжелее, чем французская печаль, – скорее скрип, нежели шелест. Во время купания ни одной медузы я не заметила, но

студент объяснил, что щупальца у них очень длинные, а потому жалить они могут с расстояния. Его указательный палец был липким от мази, которую он сейчас втирал мне в руку. Вроде бы в медузах он разбирался. Они прозрачные, потому что на девяносто пять процентов состоят из воды и за счет этого легко маскируются. Основная причина, почему они так расплодились во всех океанах, это неконтролируемый вылов рыбы. Главное – не расчесывать и не сдирать волдырь. На руке могли остаться клетки медузы, и расчесывание приведет к тому, что они выпустят еще больше яда, но специальная мазь обезвредит жалящие клетки. Пока он говорил, я смотрела на мягкие розовые губы, которые шевелились в его бороде, как медуза. Передав мне огрызок карандаша, студент попросил все же заполнить бланк.

Имя: София Папастергиадис.

Возраст: 25 лет.

Страна происхождения: Великобритания.

Род занятий:…

Медузам нет дела до моего рода занятий, так какая разница? Это болезненная тема, хуже, чем укус медузы, и более серьезная проблема, чем моя фамилия, которую никто не может ни выговорить, ни написать. Я объяснила, что у меня диплом антрополога, но пока что работаю в Восточном Лондоне, в кофейне «Кофе-хаус»; там у нас отреставрированные церковные скамьи, бесплатный вай-фай. Зерна обжариваем сами, варим три вида фирменного эспрессо… что писать в графе «род занятий» – непонятно.

Студент подергал себя за бороду.

– Как я понимаю, антропологи изучают первобытных людей?

– Да, только единственный первобытный человек, которого мне довелось изучать, – это я сама.

Я вдруг поймала себя на том, что невыносимо скучаю по тихим росистым британским паркам.

Мне захотелось растянуться на зеленой травке, где никаких медуз нет и в помине. В Альмерии зеленую траву можно увидеть разве что на поле для гольфа. В этих краях когда-то даже снимали спагетти-вестерны: пыльные, засушливые, выжженные солнцем холмы до боли напоминают Дикий Запад; в одном из таких фильмов играл сам Клинт Иствуд. У настоящих ковбоев, должно быть, постоянно трескалась губы; у меня, например, от зноя губы жутко пересохли – каждый день мажу их бальзамом. Может, ковбои обходились животным жиром? А вглядывались ли они в бескрайнее небо, тоскуя по ласкам и поцелуям? Отвлекались ли от невзгод, блуждая в таинственных лабиринтах космоса, как порой отвлекаюсь я, созерцая далекие галактики на заставке разбитого экрана.

Студент, похоже, разбирался в антропологии не хуже, чем в медузах. Пока я в Испании, он хочет предложить мне «уникальную тему для исследования».

– Ты заметила белые пластиковые конструкции, покрывшие всю Альмерию?

Еще бы, как не заметить этот призрачный кошмар? Он повсюду, куда ни глянь: заполонил все равнины и долины.

– Это теплицы, – говорит студент. – В пустыне температура внутри таких теплиц достигает сорока пяти градусов. Работают там в основном иммигранты-нелегалы – собирают помидоры и перцы для отправки в супермаркеты, но это практически рабство.

Так я и думала. Если скрыто от глаз, значит, есть там что-то неприглядное. Раз прячут – стало быть, не зря. В детстве я часто закрывала лицо ладошками, чтобы никто меня не нашел. А потом вдруг поняла, что из-за этого, наоборот, люди начинают внимательней ко мне приглядываться – хотят выяснить, что же я такое прячу.

Парень взглянул сперва на мою фамилию, а затем – на большой палец своей левой руки, который он зачем-то начал сгибать и разгибать, словно проверяя сустав.

– Ты ведь гречанка, да?

Его внимание настолько рассеяно, что я теряюсь. За все это время он ни разу не взглянул мне в глаза. Поэтому заученно повторяю: у меня отец – грек, а мать – англичанка, и родилась я в Великобритании.

– Греция меньше Испании, но не способна платить по счетам. Мечта умерла.

Я спросила, что он имеет в виду – экономику? Да, говорит, сейчас он учится в магистратуре на философском факультете Гренадского университета, но считает, что ему повезло устроиться на лето в пляжный медпункт. Если к моменту окончания им университета в нашем «Кофе-хаусе» будут вакансии, он отправится в Лондон. А к чему относилось «мечта умерла», он и сам не знает, у него лично другое кредо. Наверное, где-то вычитал – и фраза прилипла. На самом деле он не считает, что мечта умерла. Прежде всего, чья мечта? Единственная знаменитая мечта, которая ему вспоминается, – из речи Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта», но обычно, когда говорится «мечта умерла», подразумевается, что нечто зародилось, а теперь оборвалось. Только мечтателю решать, умерла его мечта или нет, и больше никому.

А потом студент неожиданно выдал целую фразу по-гречески и выразил показное удивление, когда я сказала, что не понимаю.

Постоянный источник неловкости: ношу фамилию Папастергиадис, а на родном языке отца не говорю.

– У меня мама – англичанка.

– Это понятно, – ответил он на своем безупречном английском. – Я в Греции всего раз был, в Скиатосе, но все же по верхам понахватался.

Как будто хотел слегка меня уколоть за отмежевание от всего греческого. Отец бросил нас с мамой, когда мне было пять лет, а поскольку мама – англичанка, говорит она со мной в основном по-английски. Да и вообще, его-то каким боком это касается? Пусть бы лучше ожог мой лечил.

– Видел вас с мамой на площади.

– Возможно.

– Она не ходит?

– Иногда Роза двигается нормально, а иногда нет.

– Роза – это твоя мать?

– Да.

– Зовешь ее по имени?

– Да.

– А мамой не называешь?

– Нет.

Вибрация маленького холодильника в углу медпункта заставляла предположить нечто мертвое, стылое, но дрожащее. Первой мыслью было: нет ли там случайно бутылок с водой. *Agua con gas, agua sin gas*[1]. У меня навязчивая идея: как бы научиться приносить матери более правильную воду.

Студент взглянул на часы.

– По инструкции, человек, обратившийся по поводу укуса медузы, должен пробыть здесь не менее пяти минут. Нужно удостовериться, что ему не угрожает сердечный приступ или какая-нибудь другая напасть.

Он снова указал на графу «род занятий», которую я так и не заполнила.

Вероятно, из-за того, что ожог нестерпимо болел, я стала рассказывать студенту свою жалкую, непримечательную жизнь.

– У меня на первом месте не работа, а забота: забота о Розе.

Во время моего рассказа он безостановочно водил пальцами по лодыжкам.

---

[1] Вода с газом, вода без газа (*исп.*).

– Мы приехали в Испанию, чтобы попасть в клинику Гомеса и узнать, что у мамы с ногами. Первичный прием – через три дня.

– У твоей мамы паралич конечностей?

– Вряд ли. Мистика какая-то. Тянется уже давно.

Студент начал снимать полиэтиленовую пленку с ломтя белого хлеба. Я решила, что хлебный мякиш нужен для второго этапа лечения моего ожога, но оказалось, это банальный сэндвич с арахисовым маслом, излюбленный ланч студента.

Откусив небольшой кусочек, он стал жевать; черная лоснящаяся борода пришла в движение. Да, клинику Гомеса он, как оказалось, знает. Репутация у нее хорошая; знает он и женщину, сдавшую нам небольшой прямоугольный домик на берегу. Это жилище мы выбрали из-за отсутствия лестниц. Там все на первом этаже: две спальни через стенку, рядом кухня; и, что немаловажно, оттуда рукой подать до главной площади, где находятся ресторанчики и местный супермаркет SPAR. В двух шагах от нас – школа дайвинга *Escuela de Buceo y Nautica*[2], кубической формы белое двухэтажное здание с окнами-иллюминаторами. В вестибюле сейчас ремонт. Каждое утро, грохоча большими жестяными ведрами белил, туда приходят двое рабочих-мексиканцев. На огороженной крыше школы, прикованная к железной перекладине, сидит на цепи тощая овчарка, которая круглые сутки воет. Ее хозяин Пабло, директор школы дайвинга, но Пабло днюет и ночует в своем компьютере за симулятором дайвинга – игрой под названием *Infinite scuba*. Обезумевшая собака гремит цепью и регулярно порывается спрыгнуть с крыши.

– Пабло никто не любит, – согласился студент. – Он из тех, кто цыпленка заживо ощиплет.

– Хорошая тема для полевого антропологического исследования, – сказала я.

– Какая?

– Почему никто не любит Пабло.

Студент поднял вверх три пальца. Я поняла, что в медпункте мне придется отсидеть еще три минуты.

Утром весь мужской персонал школы дайвинга ведет практическое занятие: учит будущих дайверов надевать гидрокостюм. Новичкам не по себе от воя посаженной на цепь овчарки, но первое задание ими выполнено. На втором занятии они научатся заливать через воронку бензин в пластмассовые баки, а потом перевозить их на электрокаре через полосу песка и загружать в лодку. Технология транспортировки довольно сложная, в отличие от той, которой довольствуется швед-массажист Ингмар, примерно в это же время расставляющий свою палатку. Насадив на ножки кушетки шарики для настольного тенниса, Ингмар заталкивает ее в шатер прямо по песку. На овчарку Пабло массажист жалуется не кому-нибудь, а мне, как будто мое случайное соседство со школой дайвинга делает меня совладелицей несчастного животного. Во время сеансов ароматерапевтического массажа вой, лай, скулеж и попытки собачьего суицида не дают клиентам расслабиться.

Студент спросил, не отказало ли у меня дыхание.

Начинаю думать, что ему хочется задержать меня в медпункте еще дольше.

Он поднял один палец.

– Тебе осталось пробыть у меня еще одну минуту, после чего я обязан повторно спросить о твоем самочувствии.

Хорошо бы мне расширить свою жизнь.

Главное ощущение у меня такое: пусть я неудачница, но лучше уж работать в «Кофехаусе», чем наниматься проводить опросы среди покупателей, чтобы выяснить, почему они выбирают ту, а не другую стиральную машинку. Большинство моих однокурсников устроились этнографами в разные фирмы. Если этнография предполагает описание культуры, то маркетинговые исследования тоже не чужды культуре (в каких жилищах и в каких природных усло-

[2] Школа дайвинга и плавания (*исп.*).

виях обитают люди, какой принцип лежит в основе распределения обязанностей по стирке белья среди членов общины), но, в конечном счете, такая деятельность все равно сводится к продаже стиральных машин. А что касается полевых исследований, я еще не уверена, что соглашусь ими заниматься даже в том случае, если мне поручат лежать в гамаке и наблюдать, как в тенечке пасутся священные буйволы.

Я не шутила, говоря, что тема «Почему никто не любит Пабло» подходит для серьезного полевого исследования.

А моя мечта умерла. Я приблизила ее кончину, когда оставила в Восточном Лондоне свою охромевшую мать в одиночку собирать груши в нашем саду, а сама упаковала вещички и уехала в университет. Там получила диплом с отличием. Столь же успешно продолжила обучение в магистратуре. И все-таки моя мечта умерла: с началом маминой болезни, когда я бросила аспирантуру. Файл с незавершенной диссертацией по сей день покоится за растрескавшейся заставкой моего ноута, как невостребованный труп самоубийцы.

Да, какие-то явления только ширятся (например, убожество моих жизненных целей), но не те, что хотелось бы. Лепешки, подаваемые в «Кофе-хаусе», ширятся (уже стали размером с мою голову), рецепты ширятся (в каждом теперь столько информации, что он сам по себе становится полевым исследованием), а также мои бедра (от питания сэндвичами, сдобой…). А остаток на банковском счете ужимается, равно как и плоды маракуйи у меня в саду (при том, что гранаты растут не по дням, а по часам, равно как и загрязнение атмосферы, равно как и мой стыд за то, что пять раз в неделю я ночую в подсобке над «Кофе-хаусом»). В Лондоне я почти всегда в изнеможении валюсь на узкую детскую кровать и впадаю в ступор. Если опаздываю на работу, никогда не могу придумать отговорку. Но самая невыносимая часть моей трудовой деятельности – это посетители, которые вечно донимают меня просьбами разобраться в их компьютерных мышках и зарядных устройствах. Все посетители спешат куда-то дальше, а я убираю за ними посуду и пишу ценники на чизкейки.

Чтобы отвлечься от пульсирующей боли в предплечье, я затопала ногами. И тут заметила, что у бюстгальтера бикини лопнула завязка на шее и мои голые груди прыгают в такт притоптыванию. Завязка, по всей видимости, лопнула еще в воде, а это значит, что через весь пляж я неслась в стиле топлес. Вот, наверное, почему во время разговора студент постоянно отводил глаза. Повернувшись к нему спиной, я занялась тесемками.

– Как твое самочувствие?

– Нормально.

– Можешь идти.

Когда я повернулась к нему лицом, его взгляд скользнул по моему новоприкрытому бюсту.

– Ты не заполнила графу «Род занятий».

Взяв карандаш, я написала: «ОФИЦИАНТКА».

Мама поручила мне выстирать желтое платье с подсолнухами, в котором она собиралась пойти в клинику Гомеса на первичный прием. Я не возражала. Мне нравится стирать вещи вручную, а потом развешивать на солнце для просушки. Место, куда ужалила меня медуза, опять стало пульсировать, хотя студент обильно смазал его каким-то средством. Лицо горело, но это, думаю, оттого, что я так долго не могла заполнить графу «Род занятий». Как будто ядовитое жало медузы прокололо, в свою очередь, пузырь с какой-то отравой у меня внутри. В понедельник моя мать предложит консультанту свои разнообразные симптомы, как набор причудливых канапе. А я буду держать поднос.

Вот и она. По пляжу идет прекрасная девушка-гречанка в бикини. Между ее телом и моим – тень. Время от времени ее ступни просто скользят по песку. С ней

нет никого, кто нанес бы ей на спину лосьон для загара, чтобы она только приговаривала: да, вот здесь, нет, не здесь.

Доктор Гомес

Мы начали долгий путь к целителю. Таксист, вызванный, чтобы отвезти нас в клинику Гомеса, не мог взять в толк, почему мы так нервничаем и сколь многое поставлено на карту.

Мы начали новую главу в истории болезни ног моей матери и оказались в полупустыне на юге Испании.

Дело нешуточное. Чтобы оплатить лечение в клинике Гомеса, нам пришлось перезаложить дом Розы. По закладной мы получили двадцать пять тысяч евро, а потерять такую значительную сумму никому не хочется, тем более что мамины симптомы я отслеживала столько времени, сколько себя помню.

В течение лет двадцати из своих двадцати пяти я вела свои собственные наблюдения. Может, и дольше. В четыре года я спросила у мамы, что такое головная боль. Она объяснила: это как будто в голове хлопает дверь. Я научилась бойко читать мысли, а значит, ее голова стала моей. Там одновременно хлопает множество дверей, и я – главная тому свидетельница. Если я вижу себя сыщиком поневоле, жаждущим правосудия, можно ли считать болезнь Розы нераскрытым преступлением? Если да, кто преступник, а кто жертва? Попытка разгадать причины и источник появления болей и ломоты в костях – хорошая тренировка для антрополога. Временами я думала, что стою на пороге великого открытия и знаю, где погребены останки, однако раз за разом терпела поражение. Как только у Розы появляется новый и совершенно загадочный симптом, ей прописывают новое и совершенно загадочное лекарство. В Великобритании врачи недавно прописали ее ногам антидепрессанты. По словам Розы, антидепрессанты предназначались именно для нервных окончаний ног.

Клиника Гомеса находилась вблизи городка Карбонерас, известного своим цементным заводом. Дорога должна была занять полчаса. Мы с мамой ехали на заднем сиденье и дрожали от холода, потому что кондиционер сравнял зной пустыни с лютой русской зимой. Водитель рассказал нам, что *carboneras* в переводе с испанского значит «угольная яма» и что здешние горы были некогда покрыты лесом, который вырубили ради производства угля. Все пошло «в топку».

Я попросила его выключить кондиционер.

Таксист заладил, что кондиционер ему не подчиняется, поскольку регулируется автоматически, но в порядке компенсации рассказал нам, где можно найти пляжи с кристально чистой водой.

– Лучший пляж – «Плайа де лос Муэртос». Всего-то в пяти километрах к югу от города. С горы нужно спуститься вниз, там ходу минут двадцать. С шоссе заехать невозможно.

Роза наклонилась вперед и дотронулась до его плеча:

– Мы приехали сюда потому, что у меня больные кости и я не могу ходить.

Она с неодобрением изучила пластмассовые четки, висевшие на зеркале заднего вида. Роза убежденная атеистка, в особенности с тех пор, как мой отец принял веру.

Губы у нее посинели от экстремального микроклимата.

– Что же касается Пляжа Мертвых, – дрожа, выговорила она, – я еще не готова туда отправиться, хотя куда приятней плавать в чистой воде, чем жариться в адской угольной топке, ради которой вырубаются все леса и оголяются все горы.

У нее вдруг прорезался сильный йоркширский акцент – верный признак того, что она поглощена спором.

Но вниманием таксиста уже завладела севшая на руль муха:

– Вернуться вы хотите тоже на машине?

– Смотря какая в ней будет температура.

Когда в салоне потеплело, мамины тонкие синие губы вытянулись в подобие улыбки.

Мы вырвались из плена русской зимы; а шведскую можно было и потерпеть.

Я опустила окно. Всю почву скрывал белый пластик, в точности как описывал студент из медпункта. Фермерские хозяйства пожирали тусклую, больную кожу пустыни. Мои волосы развевались на горячем ветру и лезли в глаза. Роза положила голову мне на плечо, которое еще саднило после укуса медузы. Я не решалась пошевелиться, чтобы занять менее болезненное положение, потому что чувствовала мамин страх и вынужденно притворялась, что страха нет. Роза не могла уповать на Бога, которого можно попросить о милости или удаче. Справедливо будет сказать, что вместо этого она полагалась на человеческую доброту и болеутоляющие средства.

Когда такси въехало на окруженную пальмами территорию клиники Гомеса, нам открылся парк, описанный в брошюре как «мини-оазис важного экологического значения». Под акациями, уткнувшись клювами друг в друга, покоились два диких голубя.

Здание клиники было встроено в опаленные солнцем горы. Спроектированное в форме купола из кремового мрамора, оно напоминало массивную, перевернутую вверх дном чашку. Я неоднократно разглядывала его в Гугле, но веб-страница не передавала ощущения покоя и комфорта, возникавшего здесь и сейчас, в реальном времени. Вход, по контрасту, был целиком из стекла. Вдоль всей окружности купола в изобилии росли колючие кустарники с пурпурными цветками и приземистые, переплетенные серебристые кактусы; их кольцо разрывалось только перед гравиевой площадкой, где такси припарковалось рядом с карликовым микроавтобусом местного сообщения.

Чтобы дойти от машины до входных дверей, нам с Розой понадобилось четырнадцать минут. Нас, похоже, ждали: двери бесшумно распахнулись – как чувствовали, что нам обеим хочется войти без лишних просьб.

При виде синевы Средиземного моря, сверкавшего под горой, я испытала умиротворение.

Когда дежурная вызвала сеньору Папастергиадис, я крепко взяла Розу под руку, и мы вместе заковыляли по мраморному полу к стойке. Да, заковыляли вместе. Мне двадцать пять лет, и я ковыляю вместе с матерью, чтобы не сбиваться с ритма. Мои ноги – это ее ноги. Таким манером мы обычно компанейски продвигаемся вперед. Так взрослые водят маленьких детей, которые еще вчера ползали, а взрослые дети сопровождают родителей, когда тем требуется опора. В то утро мама самостоятельно дошла до местного универсама SPAR и купила себе шпильки. Она даже не брала с собой тросточку. Сейчас мне расхотелось об этом думать.

У стойки мне указали на медсестру, которая поджидала с креслом-каталкой. С неподдельным облегчением я наконец-то передала Розу в надежные руки, а сама поспевала сзади, восхищаясь перехваченными атласной белой лентой длинными ухоженными волосами и покачиванием сестринских бедер. Этакая иноходь: бескомпромиссная, чуждая всякому страданию и родственной привязанности. Медсестра ступала сизыми замшевыми туфельками по мраморному полу, и при каждом шаге под каблуками словно хрустела яичная скорлупа. Остановившись у какой-то двери, на которой красовалась табличка из полированного дерева с золоченой надписью «Мр Гомес», медсестра постучалась и стала ждать ответа.

Ногти ее сверкали густо-красным лаком.

Мы уехали очень далеко от дома. Очутиться в конце концов здесь, в лабиринтах этого коридора с янтарно-желтыми прожилками на мраморных стенах, оказалось сродни паломничеству, дающему последнюю надежду. Долгие годы британские врачи один за другим ломали голову над Розиным диагнозом, недоумевали, терялись в догадках, признавали поражение и умывали руки. Нынешняя поездка должна была поставить точку, и, думаю, мама прекрасно это понимала. Я услышала мужской голос, выкрикнувший что-то по-испански. Медсестра толкнула тяжелую дверь и жестом предложила мне ввезти кресло Розы в кабинет, будто говоря: «Дальше вы сами».

Доктор Гомес. Тот самый консультант-ортопед… не один месяц я старательно пробивала его по Сети. На вид слегка за шестьдесят, волосы серебрятся сединой, а от виска по всей левой стороне головы тянется поразительная чисто-белая дорожка. Костюм в тонкую полоску, загорелые руки, настороженный взгляд голубых глаз.

– Благодарю, Солнце, – сказал он сестре, будто для выдающегося врача, специалиста в области мышечно-скелетных заболеваний, в порядке вещей называть своих подчиненных именами небесных тел.

А его подчиненная застыла, держа дверь нараспашку и словно блуждая мыслями где-то на просторах Сьерра-Невады.

Повысив голос, доктор повторил по-испански:

– Gracias, Enfermera Luz del Sol[3].

На этот раз она затворила дверь. Я снова услышала цокот каблуков, вначале ровный, потом – с ускорением. Она припустила бегом. Прошло еще какое-то время, прежде чем стук каблуков перестал эхом отдаваться у меня в голове.

Доктор Гомес заговорил по-английски с американским акцентом.

– Прошу. Чем могу служить?

Роза изобразила недоумение:

– Я думала, вы сами скажете.

Доктор Гомес улыбнулся, обнажив ряд верхних зубов с золотыми коронками на резцах. Мне вспомнились зубы черепа, который нам, студентам-антропологам, показали на первом курсе, попросив определить, чем питался этот человек. В зубах у наглядного пособия было полно дырок, так что питался бедняга, по всей видимости, сырым зерном. При ближайшем рассмотрении оказалось, что в одно дупло затолкали в качестве пломбы пропитанный кедровым маслом комочек ткани, чтобы облегчить боль и не допустить воспаления.

В тоне доктора Гомеса смутно угадывались дружелюбие и чопорность.

– Я просмотрел ваши справки, миссис Папастергиадис. Вы какое-то время заведовали библиотекой?

– Да. По состоянию здоровья не дотянула до пенсионного возраста.

– У вас пропало желание работать?

– Да.

– Значит, вы ушли не по состоянию здоровья?

– Скорее, по стечению обстоятельств.

– Понятно. – На его лице не отразилось ни скуки, ни интереса.

– Я занималась составлением каталогов, описанием и систематизацией печатных изданий, – пояснила она.

Доктор покивал и перевел взгляд на монитор. Пока мы ждали, чтобы его внимание переключилось на нас, я огляделась по сторонам. Обстановка в кабинете первичного приема была строгой. Раковина. Функциональная кровать, рядом – серебристый рефлектор.

У дальней стены – книжный шкаф с фолиантами в кожаных переплетах. И тут я поймала на себе какой-то взгляд. Яркий, любопытствующий. С полки на середине стены таращилось чучело мартышки, втиснутое в стеклянный футляр. Застывшие глазки навечно устремились на человеческих собратьев.

– Миссис Папастергиадис, я смотрю, ваше имя Роза.

– Да.

«Папастергиадис» легко слетело у него с языка, точно он произнес «Джоан Смит».

– Вы позволите мне обращаться к вам «Роза»?

---

[3] Спасибо, медсестра Солнечный свет (*исп.*).

– Да, пожалуйста. В конце-то концов, это же мое имя. Родная дочь говорит мне «Роза», так что и для вас не вижу препятствий.

Доктор Гомес посмотрел на меня с улыбкой.

– Вы обращаетесь к матери «Роза»?

За три дня мне уже вторично задавали этот вопрос.

– Да, – коротко сказала я, как о чем-то несущественном. – Можно спросить, доктор Гомес: а как нам с мамой следует обращаться к вам?

– Спрашивайте. Поскольку я консультант, меня принято называть мистер Гомес. Но это чересчур официально; нисколько не обижусь, если вы будете говорить мне просто Гомес.

– Так-так. Это полезно знать. – Мама подняла руку, чтобы проверить шпильку, на которой держался узел волос.

– Вам шестьдесят четыре года, миссис Папастергиадис?

Неужели он забыл, что получил разрешение обращаться к ней по имени?

– Шестьдесят четыре; еду с ярмарки.

– Значит, дочку вы родили в тридцать девять лет?

Роза кашлянула, словно прочищая горло, покивала и еще раз кашлянула. Гомес тоже откашлялся. Прочистив горло, он погладил белую дорожку волос. Роза шевельнула правой ногой и застонала. Гомес шевельнул левой ногой и застонал.

Уж не знаю, то ли он копировал мою мать, то ли просто насмешничал. Если они перешли на язык стонов, кашля и вздохов, мне с трудом верилось в их взаимопонимание.

– Рад приветствовать вас у себя в клинике, Роза.

Он протянул руку. Мама подалась вперед, будто собиралась ее пожать, – но передумала. Докторская рука застыла в воздухе. Как видно, невербальное общение не вызывало маминого доверия.

– София, дай мне бумажную салфетку, – сказала она.

Выполнив это распоряжение, я вместо мамы ответила Гомесу рукопожатием. Ее рука – моя рука.

– А вы – миз Папастергиадис? – Он произнес это с нажимом; получилось «миззз».

– София – моя единственная дочь.

– А сыновья есть?

– Говорю же: она у меня единственная.

– Роза. – Он улыбнулся. – Сдается мне, вы сейчас расчихаетесь. В воздухе сегодня летает пыльца? Или что-нибудь другое?

– Пыльца? – Роза надулась. – Здесь пустынный климат. Даже цветы, какими я их себе мыслю, тут не растут.

Следом за ней надулся и Гомес.

– Я потом организую для вас экскурсию по нашему парку и покажу цветы, каких вы себе не мыслите. Пурпурный кермек, заросли ююбы с великолепными колючими ветками, красноплодный можжевельник и другие растения, доставленные на радость вам из закустаренной местности близ Табернаса.

Подойдя к инвалидному креслу, он опустился на колени у ног моей матери и заглянул ей в глаза. Она расчихалась.

– Дай еще салфетку, София.

Я повиновалась. Теперь она держала две бумажные салфетки, по одной в каждой руке.

– После чихания у меня вечно начинается боль в районе локтя, – объяснила мама. – Острая, раздирающая боль. Пока чихаю, приходится поддерживать одну руку другой.

– Где болит?

– С внутренней стороны локтя.

– Благодарю. Мы проведем полное неврологическое обследование, включая обследование черепно-мозговых нервов.

– Кроме того, у меня хронические боли в суставах пальцев левой руки.

В ответ Гомес пошевелил пальцами левой руки в сторону мартышки, точно призывал ее сделать то же самое.

Через некоторое время он повернулся ко мне.

– Замечаю фамильное сходство. Только вы, миззз Папастергиадис, темнее. У вас бледная кожа. Но волосы почти черные. А у вашей матери – светло-каштановые. У вас нос длиннее. Глаза карие. А у вашей матери – голубые, совсем как у меня.

– Мой отец – грек, но родилась я в Британии.

Я не знала: «бледная кожа» – это оскорбление или комплимент?

– Тут мы с вами похожи, – сказал он. – У меня отец испанец, а мать американка. Вырос я в Бостоне.

– Почти как мой ноутбук. С той лишь разницей, что в Америке он был только в проекте, а на свет появился в Китае.

– Да, определить национальную принадлежность всегда непросто, миззз Папастергиадис.

– А я родилась близ Гулля, в Йоркшире, – неожиданно заявила Роза, видимо, беспокоясь, как бы о ней не забыли.

Когда Гомес потянулся к ее правой ноге, Роза вручила ему свою ступню, как дар. Большим и указательным пальцами он, под нашими с мартышкой бдительными взорами, стал поочередно сжимать своей пациентке пальцы на ноге. Потом скользнул большим пальцем к лодыжке.

– Это таранная кость. А перед тем я пальпировал фаланги. Вы чувствуете мои пальцы?

Роза помотала головой.

– Ничего не чувствую. Ноги онемели.

Гомес кивнул, будто наперед знал правду.

– А вообще как ваш настрой? – осведомился он, как будто так называлась кость: «настрой».

– Вполне себе неплох.

Я наклонилась, чтобы поднять мамины туфли.

– Прошу вас, – вмешался Гомес. – Не трогайте.

Теперь он ощупывал мамину правую подошву.

– Здесь у вас язвочка, и здесь тоже. На диабет проверялись?

– А как же, – ответила мама.

– Область поражения невелика, но ранка уже инфицирована. Этим займемся безотлагательно.

Роза мрачно кивнула, но осталась довольна.

– Диабет! – воскликнула она. – Вот, наверное, где корень всех зол.

Видимо, не желая развивать эту тему, доктор поднялся с пола и направился к раковине, чтобы вымыть руки. Повернувшись ко мне, он не глядя потянулся за бумажным полотенцем.

– Вам, очевидно, будет интересно ознакомиться с архитектурой моей клиники?

Мне *уже* стало интересно. Я сказала ему, что, по моим сведениям, древнейшие куполообразные сооружения возводились из бивней и костей мамонтов.

– Да-а-а. А ваш береговой домик – параллелепипед. Но зато с видом на океан…

– Это как раз недостаток, – вмешалась Роза. – Про себя я говорю, что мы живем «в бруске на песке». К дому примыкает бетонированная терраса, которая считается частной собственностью, но таковой не является, поскольку расположена аккурат на пляже. Моя дочь готова сидеть там с компьютером сутки напролет, чтобы только не находиться рядом со мной.

Роза пошла вразнос: она решила огласить весь список своих претензий.

– По вечерам на пляже устраивают детские представления. Сплошной шум и гам! В ресторанах гремят посудой, горланят туристы, тарахтят мопеды, дети вопят, взрываются петарды. Выйти к морю я не могу, разве что София на каталке подвезет, и вообще там жара нестерпимая.

– В таком случае мне придется сделать так, чтобы море пришло к вам, миссис Папастергиадис.

Роза прикусила нижнюю губу передними зубами и некоторое время удерживала ее в таком положении. Затем отпустила.

– На мой вкус, вся ваша южно-испанская кухня очень тяжела для желудка.

– Горестно это слышать. – Его голубой взгляд опустился на область ее желудка, словно бабочка на цветок.

За последние несколько лет моя мать сбросила вес. Она усыхала и, похоже, становилась ниже ростом: платья, раньше доходившие ей до колена, теперь свисали чуть не до щиколоток. Мне приходилось напоминать себе, что она – интересная дама зрелых лет. Ее волосы, всегда собранные в низко уложенный пучок, державшийся на одной шпильке, составляли отдельную статью расходов. Каждые три месяца, когда в них проступало серебро, модный парикмахер, которому не было равных в окраске волос, делал маме блондирование на фольгу; в свое время у этого же мастера она обрилась под ноль. А потом агитировала и меня сделать то же самое, чтобы избавиться от старомодных черных локонов, которые начинали виться мелким бесом, если я попадала под дождь, то есть очень часто.

В том, что парикмахер обрил ей голову наголо, мне виделся недоступный для меня ритуал. Я уже стала думать, что мама в традициях индуизма сочла свои волосы грузом прошлого, а избавление от них – шагом к будущему, но мне она твердила (с квадратиком фольги в зубах), что обрилась лишь для того, чтобы не знать ни хлопот, ни забот. Впрочем, на меня груз волос давил менее всех остальных проблем.

– София-Ирина, располагайтесь.

Гомес похлопал по спинке компьютерного стула. У него вошло в привычку называть меня полным именем, как записано в паспорте. Когда я последовала его указанию, он развернул ко мне экран монитора и показал черно-белое изображение, над которым стояло имя моей матери: «Р. Б. ПАПАСТЕРГИАДИС (ж.)».

Теперь он возвышался у меня за спиной. Я вдыхала горьковатый травяной запах его мыла для рук – вероятно, шалфейного.

– Здесь в высоком разрешении выведен рентгеновский снимок позвоночника вашей матери. Обратная проекция.

– Вижу, – сказала я. – Эти снимки прислали вам из Великобритании по моей просьбе. Они уже устарели.

– Разумеется. Для сравнения будут сделаны новые. Мы ищем аномалии, любые отклонения. – От экрана палец переместился на кнопку небольшого серого радиоприемника, стоящего на письменном столе. – Прошу прощения, – сказал он. – Хочу послушать, как внедряется программа строгой экономии.

Мы стали слушать новости на испанском языке, то и дело перемежавшиеся комментариями Гомеса, который сообщил нам даже имя финансового обозревателя этой радиостанции. Когда Роза уже начала хмуриться, будто вопрошая: что, собственно, тут происходит – и вообще, врач он или кто? – Гомес сверкнул золотыми зубами.

– Да, я определенно врач, миссис Папастергиадис. Сегодня планирую обсудить с вами курс лечения. Естественно, я располагаю необходимой информацией, но хочу услышать из ваших уст, какие препараты вас устраивают, а от каких вы готовы отказаться. Кстати, вам будет приятно узнать, что в большинстве регионов Испании ожидается сухая, солнечная погода.

Роза поерзала в кресле-каталке.

– Будьте добры, стакан воды.

– Пожалуйста.

Отойдя к раковине, Гомес наполнил пластиковый стаканчик и подал моей маме.

– А не опасно пить воду из-под крана?

– Нет-нет.

Я наблюдала, как мама крошечными глоточками потягивает мутную воду. Может, это и есть нормальная вода? Гомес попросил пациентку высунуть язык.

– Вы серьезно? Зачем вам мой язык?

– Язык является мощным визуальным индикатором общего состояния организма.

Роза подчинилась.

Сидя ко мне спиной, Гомес шестым чувством угадал, что я разглядываю чучело мартышки.

– Это танзанийская верветка. Ее убила опора высоковольтной линии, а один мой пациент отвез тельце таксидермисту. После некоторых колебаний я все же принял этот сувенир, так как у верветок много общего с человеком: например, они страдают от повышенного давления и тревожных расстройств. – Он все еще сосредоточенно смотрел на мамин язык. – У этого чучела мы не видим синеватой мошонки и красного полового члена. Думаю, их удалил таксидермист. А нам остается только воображать, как этот мальчуган резвился в древесных кронах со своими братьями и сестрами. – Он легонько постукал маму по колену, и язык сам собой шмыгнул обратно в рот. – Спасибо, Роза. Вы правильно сделали, что попросили воды. Я вижу, ваш язык указывает на обезвоживание.

– Да, мне вечно хочется пить. А София ленится перед сном поставить мне на тумбочку стакан воды.

– Из какой части Йоркшира вы родом, миссис Папастергиадис?

– Из Уортера. Это деревня в пяти милях к востоку от Поклингтона.

– Из Уортера, – повторил, обнажив золотые зубы, Гомес и повернулся ко мне. – Очевидно, София-Ирина, вы бы не прочь освободить нашего маленького кастрата-примата, чтобы он попрыгал по кабинету и почитал мое собрание ранних изданий Сервантеса. Но прежде вы должны освободить саму себя. – Голубизна его глаз могла бы не хуже луча лазера пронзить даже камень. – А теперь мне необходимо побеседовать с миссис Папастергиадис и наметить курс лечения. Такие вопросы обсуждаются наедине.

– Нет. Пусть дочь останется. – Роза постучала костяшками пальцев о подлокотник инвалидного кресла. – Я не собираюсь отказываться от своих лекарств, находясь в чужой стране. А София – единственный человек, кто знает их наперечет.

Гомес погрозил мне пальцем.

– Не томиться же вам два часа в вестибюле. Зачем? Вам нужно сесть в маленький автобусик, отходящий прямо от дверей моей клиники. Он доставит вас на пляж в Карбонерасе. До города каких-то двадцать минут езды.

Похоже, Розу это возмутило, но Гомес не обращал внимания.

– София-Ирина, предлагаю вам отправиться без промедления. Сейчас полдень, увидимся в два.

– Мечтаю искупаться, это такое удовольствие, – сказала мама.

– Об удовольствиях мечтать не вредно, миссис Папастергиадис.

– Ах, если бы, – вздохнула Роза.

– «Если бы» что? – Опустившись на колени, Гомес приложил стетоскоп к ее сердцу.

– Если бы только у меня была возможность плавать и загорать.

– Да, это было бы так чудесно.

И вновь у меня возникли сомнения. Выражался он туманно. Туманно-издевательски и туманно-дружески. Что слегка выходило за рамки общепринятого. Протянув руку, я сжала

мамины пальцы. Хотела с ней попрощаться, но Гомес сосредоточенно слушал тоны сердца. Пришлось просто чмокнуть ее в макушку.

У мамы вырвалось:

– Ой!

Зажмурившись, она запрокинула голову, словно в агонии… а может, в экстазе. Трудно было понять.

* * *

Когда я добралась до безлюдного пляжа напротив цементного завода, солнце как осатанело. Я направилась к маленькой кафешке близ вереницы газовых баллонов и заказала приветливому бармену джин с тоником. Указав пальцем на море, он предупредил меня, что купаться нельзя: с утра троих человек сильно ужалили медузы. Он сам видел, как рубцы у них на руках и ногах побелели, а затем побагровели. Скорчив гримасу, он зажмурился и замахал руками, как будто хотел прогнать океан вместе со всеми медузами. Газовые баллоны смахивали на диковинную пустынную флору, вырастающую из песка.

У горизонта замаячил большой промышленный сухогруз под греческим флагом. Я перевела взгляд на детские качели, ржавые стойки которых были загнаны в грубый песок. Сиденьем служила видавшая виды автомобильная покрышка; она бесшумно раскачивалась, словно с нее только что соскочил ребенок-призрак. Небо разрезали кран-балки опреснительных установок. С правой стороны к пляжу примыкала территория склада с волнообразными зеленовато-серыми дюнами цемента, а дальше в склон горы вжимались, словно жертвы расстрела, недостроенные гостиницы и жилые дома.

Я проверила телефон. Там болталось старое сообщение от Дэна – мы с ним вместе работали в «Кофе-хаусе». Он спрашивал, куда я подевала маркер для ценников на сэндвичи и выпечку. Дэн из Денвера пишет мне в Испанию насчет какого-то маркера? Пригубив джин с тоником из высокого стакана и благодарно кивнув бармену, я стала думать, куда, в самом деле, мог подеваться этот маркер.

Расстегнув молнию на платье, я подставила плечи солнцу. То место, куда меня ужалила медуза, заживало, но время от времени кожу саднило. Боль была терпимой. В каком-то смысле уже не боль, а облегчение.

Еще одно сообщение от Дэна, более свежее. Маркер нашелся. Оказывается, Дэну взвинтили плату за съемную квартиру, и, пока я в Испании, он решил перекантоваться у меня в чулане над «Кофе-хаусом». Там, в постельном белье, и обнаружился маркер. Со снятым колпачком. Естественно, простыня и пуховое одеяло с пододеяльником пропитались черной тушью. На самом деле в сообщении говорилось: «Маркер обескровлен».

И как теперь Дэн будет писать?

Чизкейк-амаретто «София», горько-сладкий – здесь £3.90, с собой £3.20.

Пирожное из поленты апельсиновое «Дэн», с пропиткой (без пшеницы, без глютена) – здесь £3.70, с собой £3.

Я – горько-сладкая.

Дэн, определенно, с пропиткой.

Пирожные мы сами не печем, но хозяйка говорит, что посетители охотнее раскошелятся, если поверят в обратное. Вот мы и даем свои имена десертам, не имеющим к нам никакого отношения. Я рада, что лживый маркер обескровлен.

Теперь вспоминаю: маркер я взяла в постель для того, чтобы выписать одну цитату из Маргарет Мид, антрополога и культуролога. Цитату записала прямо на стене.

«Я говорила своим студентам, что для постижения себя есть следующие способы: наблюдение за младенцами; наблюдение за животными; наблюдение за представителями первобыт-

ных культур; прохождение сеансов психоанализа; обращение к вере и преодоление оной; психотический эпизод и преодоление оного».

В цитате пять точек с запятой. Помню, как я ставила на стене эти;;;;; черным маркером. И еще двойной чертой подчеркнула «обращение к вере».

Мой отец обратился к вере, но, насколько мне известно, не преодолел оной. К слову: он вступил в брак с женщиной всего на четыре года старше меня, и у них новорожденный ребенок. Жене двадцать девять лет. Ему шестьдесят девять. За несколько лет до их знакомства он получил солидное наследство от деда, афинского судовладельца. Должно быть, расценил это как знак того, что он стал на путь истинный. Как раз когда его страна оказалась на грани банкротства, Бог даровал ему деньги. И любовь. И новорожденную дочку. Отца я не видела с четырнадцати лет. Он не нашел причин расстаться ни с одним евро из своего благоприобретенного богатства, так что я попала в зависимость от матери. Она – мой кредитор, а я расплачиваюсь с ней своими ногами. Гоняет она их в хвост и в гриву.

Для утверждения займа на оплату лечения в клинике Гомеса Розе пришлось взять меня с собой на собеседование к ипотечному оператору.

На все утро я отпросилась с работы, а значит, за три часа потеряла восемнадцать фунтов тридцать пенсов. Лил дождь; банковская красная ковровая дорожка промокла. Кругом были расклеены плакаты со словами о том, как много значит для банка наше благополучие; можно подумать, главная забота этого учреждения – права человека. Сидевший за компьютером молодой человек был обучен проявлять жизнерадостность и дружелюбие; изображать – в меру своего понимания – участливость; быть открытым и энергичным; любить свой нелепый красный галстук с логотипом банка. На красном бейдже значились его имя и должность, но уровень заработной платы там не фигурировал – видимо, где-то в районе честной бедности. Клерк старался находить к нам индивидуальный подход; объективно оценивать наше положение; разговаривать простым и понятным языком. С плаката на нас взирала тройка отталкивающих банковских служащих; все они смеялись. Женщина была изображена в строгом костюме (пиджак с юбкой), мужчины – также в костюмах (пиджаки с брюками), их посыл передавал черты нашего с ними сходства и стирал наши различия: дескать, мы – разумные мечтатели с плохими зубами, в точности как вы; нам всем требуется отдельное жилье, чтобы ссориться с домашними только в Рождество.

Я понимала, что эти плакаты – обряд посвящения (в собственность, во вложение денег, в долги) и что эти корпоративные костюмы сообщают о принесении в жертву сложных гендерных различий. На другом плакате была фотография аккуратного двухквартирного дома и палисадника размером с могилку. Цветов в палисаднике не было, только новенький газон. Вид у него был заброшенный. Квадраты дерна еще как следует не срослись. Можно подумать, слева от этажа, который пристраивался для нас, затаился какой-то параноик. Он срезал все цветы и убил домашних животных.

Наш клерк заговорил оживленным, но механическим тоном. Для начала он сказал: «Привет, девушки» – хорошо еще, что не «Здравствуйте, дамы», а потом пустился перечислять банковские продукты, доступные для лишения меня наследства. В какой-то момент он спросил у моей матери, ест ли она бифштексы. Этот вопрос был задан не к месту, но мы поняли глубинный смысл (не роскошествуем ли мы?), а потому Роза ответила, что придерживается веганства, поскольку считает нужным отстаивать более гуманный и заботливый мир. А когда ее тянет на излишества, может добавить в дхал и рис по столовой ложке йогурта. Клерк не знал, что веганы не употребляют в пищу молочные продукты, иначе Роза выпала бы из красного банковского кресла на первом же препятствии. Дальше он спросил, любит ли она дизайнерскую одежду. Мама ответила, что любит только дешевые, грубые вещи. Есть ли у нее абонемент в спортзал? Странный вопрос, учитывая, что пришла она с тростью и с перебинтованными отеч-

ными лодыжками, против которых были бессильны противовоспалительные и болеутоляющие, запиваемые каждое утром стаканом не той воды.

Молодой человек попросил предъявить акт риелторской оценки нашей собственности и сообщил, что к нам наведается их штатный земельный инспектор. Компьютер одобрил все предоставленные нами на тот момент сведения, потому что моя мать полностью выплатила ипотеку. Недвижимость в Лондоне все же чего-то стоит, хотя викторианская кладка держится на слюне, моче и клейкой ленте. Клерк сказал, что склонен утвердить наш заем. Мама пришла в радостное возбуждение от предстоящего медицинского приключения: для нее клиника Гомеса была сопоставима с наблюдением за китами. Я побежала на работу варить три вида эспрессо, а Роза вернулась домой, чтобы обновить список болей и болезней. Не стану отрицать: ее симптомы представляют для меня культурологический интерес, хотя и тянут к земле вместе с нею. Ее симптомы говорят сами за себя. Болтают без умолку. Даже я это знаю.

Я шла через раскаленный песчаный берег, чтобы пошлепать по воде и охладить ноги.

Порой замечаю, что при ходьбе начинаю прихрамывать. Ощущение такое, словно мое тело помнит, как я хожу с мамой. Память не всегда надежна. Она не сообщает всей правды. Даже я это знаю.

В клинику вернулась в четверть третьего; Роза, пересевшая из каталки в обычное кресло, читала свой гороскоп в газете для английских экспатов.

– Здравствуй, София. Вижу, ты всласть понежилась на пляже.

В ответ я сказала, что на пляже не было ни души и что мне пришлось два часа таращиться на газовые баллоны. Я развила в себе особое искусство делать свой день короче, а мамин за счет этого длиннее.

– Ты посмотри на мои руки, – сказала она. – Сплошной синяк от анализов крови!

– Бедняжка.

– Да, я бедняжка. Доктор отменил три моих лекарства. Три!

Мама скривила рот, чтобы напустить на себя притворно-плаксивое выражение, и помахала газетой Гомесу, который не столько спешил в нашу сторону, сколько прогуливался по мраморному полу.

По его словам, у моей матери обнаружен хронический дефицит железа, что может быть причиной упадка сил. В дополнение к прочим средствам, таким, как повязки с сульфадиазином серебра для заживления язв стопы, он прописал витамин B_{12}.

Рецепт на витамины. И это – за двадцать пять тысяч евро?

Роза перечисляла таблетки, исключенные из ее медицинского ритуала. Она словно оплакивала ушедших друзей. Подняв руку, Гомес помахал сестре Солнце, идущей по направлению к нему на сизых замшевых каблучках. Когда она поравнялась с ним, он развязно обнял ее за плечи, а она стала возиться с часиками, приколотыми у нее над правой грудью. На стоянку только что въехала машина «Скорой помощи». Медсестра по-английски сообщила доктору, что водителя нужно отпустить на обед. Доктор кивнул и убрал руку, чтобы сестре было удобнее придерживать часики.

– Медсестра Солнце – моя дочь, – объявил он. – В действительности ее зовут Джульетта Гомес. Не стесняйтесь, называйте ее, как вам больше нравится. Сегодня у нее день рождения.

Джульетта Гомес впервые улыбнулась. У нее были ослепительно белые зубы.

– Мне исполнилось тридцать три. Официально вышла из детства. Пожалуйста, зовите меня Джульетта.

Гомес не сводил с дочери глаз разного оттенка голубого цвета.

– Думаю, вам известно, что в Испании высок уровень безработицы, – сказал он, – в данный момент где-то двадцать девять и шесть десятых процента. Мне повезло, что моя дочь получила основательную медицинскую подготовку в Барселоне и является самым уважаемым

физиотерапевтом в Испании. А это означает, что я могу слегка злоупотребить своим положением, чтобы дать ей работу в моем мраморном дворце.

Широким королевским жестом он распростер свои руки в тонкую полоску, будто собирался прижать к груди изогнутые стены и цветущие кактусы, и сверкающую новенькую «скорую», и медрегистраторов, и прочих медсестер, и пару врачей-мужчин, которые, в отличие от Гомеса, ходили в форменных голубых футболках и новехоньких кроссовках.

– Этот мрамор добыт в недрах Кобдара. Его цвет напоминает мне бледную кожу моей покойной жены. Да, я построил эту клинику как дань памяти матери моей дочки. Весной нас очаровывают сонмы бабочек, которых привлекает купол здания. Они всегда поднимают настроение больным. Кстати, Роза, быть может, вам захочется увидеть статую Девы Марии Розарио. Она изваяна из чистейшего мрамора, добытого в горах Макаэля.

– Я атеистка, мистер Гомес, – сурово сказала Роза. – И не верю, что рожавшие женщины остаются девственницами.

– Но, Роза, она изваяна из нежнейшего мрамора цвета материнского молока. Белого с легкой желтинкой. Вероятно, скульптор просто воздавал должное грудному вскармливанию. Интересно, называл ли Пресвятую Деву по имени ее единственный сын?

– Не имеет значения, – сказала Роза. – Так или иначе, все это выдумки. И кстати, Иисус называл свою мать «женщиной». На древнееврейском это означает примерно то же, что «мадам».

Откуда ни возьмись появилась сотрудница регистратуры и заговорила с Гомесом, быстро-быстро тараторя по-испански. Она принесла с собой раскормленную белую кошку и теперь опустила ее на пол рядом со сверкающими черными штиблетами Гомеса. Когда кошка стала ходить кругами у его ног, он опустился на колени и протянул к ней руку.

– Джодо – моя истинная любовь, – сказал доктор. Кошка потерлась мордочкой о подставленную ладонь. – Она такая ласковая. Жаль, что у нас нет мышек – ей целыми днями совершенно нечем заниматься, кроме как ластиться ко мне.

Мама расчихалась. После четвертого раза она накрыла один глаз рукой.

– У меня аллергия на кошек.

Гомес засунул мизинец в рот Джодо.

– Десны должны быть плотными и розовыми; у Джодо в этом отношении все в порядке. Вот только животик немного припух. Беспокоюсь, нет ли у нее заболевания почек.

Выудив из кармана аэрозоль, Гомес распылил на руки дезинфицирующее средство; между тем Джульетта осведомилась, не закапать ли Розе глазные капли от зуда.

– Да, пожалуйста.

Нечасто от моей мамы можно услышать «пожалуйста». Можно подумать, ей предложили коробку шоколада.

Джульетта Гомес достала из кармана маленький белый пластмассовый флакончик.

– Это антигистаминный препарат. Я только что помогла другой пациентке с той же проблемой.

Подойдя к Розе, она вздернула ей подбородок и выдавила по две капли в каждый глаз.

Теперь у мамы был манерно-слезливый, укоризненный вид, как будто слезы подступили к глазам, но еще не покатились по лицу.

Кошку Джодо унесла одна из санитарок.

Сестра Солнце, а в действительности Джульетта, не проявляла ни дружелюбия, ни враждебности. Она держалась буднично, по-деловому, безмятежно. В ней не было отцовского энтузиазма, но при этом я заметила, что она очень внимательно прислушивается к Розе, хотя и не подает виду. Теперь я совсем иначе расценивала ее промедление в дверях кабинета. Вероятно, не так уж далеко блуждали ее мысли, как мне показалось. Проявив наблюдательность, она предложила мне помощь: застегнуть платье, которое я распахнула на пляже.

Деликатно повозившись с молнией, Джульетта положила руки на свою осиную талию и сообщила, что за нами приехало такси.

– До свидания, Роза. – Гомес энергично потряс ее руку. – Между прочим, вам бы надо самостоятельно управлять взятой для вас напрокат машиной. Она включена в стоимость моих услуг.

– И как я смогу ею управлять? У меня же отсутствует чувствительность в ногах. – Роза опять сделала оскорбленное лицо.

– С моего разрешения. Прямо в следующий раз и заберете. Нужно еще оформить кое-какие документы, но машина будет ждать вас на парковке.

Джульетта обняла мою мать за плечи.

– Если у вас возникнут трудности с вождением, пусть София нам позвонит, и мы за вами приедем. У нее записаны все контактные телефоны.

Определенно, клиника Гомеса представляла собой семейный бизнес.

Нам не только собирались подогнать автомобиль; Гомес проинформировал мою мать, что с удовольствием сводит ее в ресторан пообедать. Попросив Джульетту внести в ежедневник это мероприятие на дату, наступающую через два дня, он склонил серебристую голову и повернулся на каблуках, чтобы поговорить с одним из молодых докторов, поджидавших у мраморной колонны.

Когда мы с Розой хромали в сторону такси, я спросила, какие упражнения порекомендовал ей Гомес.

– Физических упражнений – никаких. Он попросил меня написать письмо с перечислением всех моих врагов. – Мама щелкнула замочком сумки и стала бороться с бумажным носовым платком, угодившим в пряжку.

– Знаешь, София, когда сестра Солнце… или Джульетта Гомес… или как там ее… наклонилась, чтобы закапать в мне глаза, я определенно почувствовала запах спиртного. Если честно, она дохнула на меня водкой.

– Ну, ничего удивительного, у нее же сегодня день рождения, – сказала я.

Под нами безмолвствовала гора.

Эта греческая девушка – лентяйка. У них в пляжном домике окна грязные, а она пальцем не пошевелит. Двери вечно не заперты. Это небрежность. Как приглашение. Как езда на велосипеде без шлема – точно такая же небрежность. Приглашение получить тяжелую травму при любой аварии.

Леди и джентльмены

Еще только восемь утра, а пес на крыше школы дайвинга уже гремит цепью. Встав на задние лапы, он поднимает бурую голову в струпьях над ограждением солярия и рычит сверху вниз на пляжную жизнь. Пабло орет на двух маляров-мексиканцев. А они не могут ответить ему тем же, потому что у них не выправлены документы и нет возможности показать ему средний палец. Чем громче воет пес, тем громче орет Пабло.

Сегодня я намерена освободить собаку Пабло.

Иду в кафе «Плайя», что рядом со школой дайвинга, и заказываю свой любимый кофе, кортадо. Естественно, мне хочется посмотреть, как там вспенивают молоко, поскольку в «Кофе-хаусе» меня обучали этому искусству целых шесть дней. Черные волосы бармена уложены гелем так, чтобы торчали во все стороны. Эти волосы всячески издеваются над силой земного притяжения. Я могла бы созерцать их часами, вместо того чтобы освобождать собаку Пабло. Кортадо здесь готовят с молоком длительного хранения; другое в пустыне редкость. Данный сорт молока характеризуется как «коммерчески стабильный».

«Мы далеко ушли от подойника с парным молоком под коровьим выменем. Мы теперь далеко от дома», – так сказала мне тихим и печальным голосом хозяйка «Кофе-хауса» в мой рабочий день. А я до сих пор об этом думаю. И хочу понять, как мыслит она. Дом – там, где парное молоко?

Инструкторы по дайвингу везут по песку пластмассовые канистры с бензином и кислородные баллоны. Лодка ждет на огороженном канатами участке моря. Когда же выдастся удобная минута, чтобы освободить собаку Пабло?

Я отправляюсь на поиски женского туалета и волей-неволей прохожу мимо записного деревенского алкоголика, который взял себе к утреннему коньяку порцию ярко-оранжевых чипсов. Вход в женский туалет (Señoras) напоминает распашные двери салуна, белые и щелястые, словно из фильма про ковбоев. Я видела такие в вестернах, где хозяин с подозрением разглядывает входящего своенравного чужака. Пока я писаю, кто-то занимает соседнюю кабинку. Через щель между полом и перегородкой видно, что это мужчина. Обут в черные кожаные полуботинки с золотой пряжкой на боку. Полное впечатление, что он меня караулит. Стоит неподвижно, я слышу его дыхание, а ступни не шевелятся. Притаился. У меня вдруг возникает ощущение, что за мной подглядывают. Наверняка он видит меня с задранной юбкой. А с чего бы еще ему там стоять? Выжидаю несколько секунд, чтобы он ушел или хотя бы шевельнулся, а когда не происходит ни того, ни другого, на меня нападает мандраж. По-быстрому одернув юбку, распахиваю салунную дверь и бегу к бармену.

Тот занят: управляется с кофемашиной, делает тосты и одновременно выжимает апельсиновый сок.

– Извините, но в женский туалет зашел мужчина.

Бармен хватает полотенце, висящее у него на плече, и вытирает стальной вспениватель, с которого капает молоко. Затем оборачивается, снимает с решетки гриля черствые багеты и отправляет на тарелку.

– Что?

У меня трясутся поджилки. Не знаю, отчего я так перетрусила.

– В Señoras зашел мужчина. Он подсматривал за мной из-под двери. Возможно, у него с собой нож.

Бармен досадливо мотает головой; ему не с руки отходить от автомата, где под стальными трубками выстроились в ряд чашки и стаканы. Не так-то просто готовить разные виды кофе – для каждого требуется особой формы чашка или стакан.

– А может, это вы, сеньорита, зашли в Caballeros? Они же рядом.

– Нет. Мне кажется, он опасен.

Бармен торопливо идет со мной туда, где под грубо намалеванным красным кружевным веером написано Señoras, и пинком распахивает дверь.

У раковины стоит молодая женщина и моет руки. Примерно моего возраста, в обтягивающих синих шортах. Светлые волосы заплетены в толстую косу. Бармен спрашивает по-испански, не видела ли она в Señoras мужчину. Она мотает головой и продолжает мыть руки; бармен сапогом распахивает дверь в кабинку.

– Единственный мужчина здесь – это вы, – указывает ему посетительница. Она говорит с немецким акцентом.

Пристыженно уставившись в пол, я замечаю, что блондинка обута в те самые мужские штиблеты. Черные, кожаные, с золотой пряжкой на боку. Потеряв дар речи, я заливаюсь краской, и на меня повторно накатывает все тот же мандраж. Вскинув руки, бармен с сердитым топотом выходит из Señoras, оставляя меня наедине с этой девушкой.

Мы обе молчим; чтобы хоть чем-то заняться, тоже начинаю мыть руки, но потом не могу сообразить, как выключить воду. Незнакомка хлопает по крану ладонью, и струя воды иссякает. Поднимаю взгляд, смотрю в зеркало над раковиной и вижу, что меня разглядывают чуть раскосые зеленые глаза. Да, она моя ровесница. Брови густые, почти черные. Волосы золотистые.

– Это мужские танцевальные туфли, – сообщает она. – Откопала их в винтажном магазине на горке. Я там летом подрабатываю.

Мокрыми пальцами я тереблю волосы. Она, спокойная и невозмутимая, стоит передо мной, а у меня волосы начинают виться мелким бесом.

– Латаю, вышиваю. Мне эти туфли бесплатно достались. – Она дергает кончик шелковистой косы. – Пару раз видела тут вас с матерью.

Над деревенской площадью гремит усиленный динамиками мужской голос. Сидящий в своем грузовичке торговец арбузами, как видно, не в духе: он беспрестанно сигналит.

– Да. Мама лечится в здешней клинике.

Бубню, как последний лузер. Почему-то мне хочется произвести на нее впечатление, но значительности не хватает. Сердце все так же колотится, футболка залита водой.

Незнакомка рослая, худая. На загорелых руках пара серебряных браслетов.

– Мы с другом снимаем тут дом, – говорит она. – Летом почти каждый год сюда приезжаем. Сегодня мне в магазине кучу заказов надавали. А вечером поедем в Родалквилар ужинать. Я люблю вечерами кататься, по холодку.

Мне бы так пожить. Пальцы ее по-прежнему гладят косу.

– Повезете маму по самым красивым местам?

Я объяснила, что нам предстоит забрать из клиники взятую напрокат машину, только загвоздка в том, что у меня нет прав, а у Розы больные ноги.

– Как это нет прав?

– Четыре раза провалила вождение.

– Такого не бывает.

– И теорию не сдала.

Поджав губы, она устремила обрамленные длинными ресницами глаза на копну моих волос.

– Верхом ездите?

– Нет.

– А я с трех лет в седле.

Мне решительно нечем похвалиться.

– Прошу прощения за эту путаницу, – сказала я.

И унесла ноги из Señoras, стараясь не переходить на бег. Куда мне податься? Податься некуда. Нас с матерью объединял тот самый страх, который внушали нам плакаты в ипотечной

компании. И были правы. Я двинулась в сторону главной площади – как будто для того, чтобы прицениться к арбузам.

Корки сохраняю для кур, которые поразительным образом несутся даже на такой жаре. Разводит их сеньора Беделью, потерявшая мужа в гражданскую войну: он сражался против фашиствующих франкистов.

Оказывается, арбузами торгует не мужчина, а женщина. Устроилась на водительском месте пикапа и сигналит напропалую маленькой коричневой пятерней. Я совсем запуталась. У меня в сознании сложился образ потного небритого шоферюги, а передо мной сидит немолодая женщина в соломенной шляпе. Синее платье запылилось, необъятные груди лежат на руле.

И тут я вспоминаю, что не допила кофе.

Возвращаюсь в кафе «Плайя» и залпом проглатываю свой кортадо, как деревенский пьянчужка – утренний коньяк.

А она тут как тут.

Блондинка в мужских туфлях стоит возле моего столика. Рослая, по-солдатски осанистая. Изучает море. Яхты. Детишек, которые бултыхаются в гигантских надувных кругах. Отдыхающих, которые воткнули в песок тенты и нежатся в шезлонгах или на расстеленных полотенцах. В океан уходит принадлежащий школе дайвинга катер, нагруженный всевозможным инвентарем. Гремит цепью рыжеватая овчарка, которую я до сих пор не освободила.

– Меня зовут Ингрид Бауэр.

Принесла нелегкая.

– А меня – Софи, по-гречески София.

– Будем знакомы, Зоффи.

В ее устах мое имя звучит, будто из другой жизни. Мне стыдно за свои унылые белые шлепанцы. На летней жаре они стали серыми.

– У вас губы растрескались от солнца, – говорит она. – Как миндальные орехи, созревающие в Андалусии.

Собака Пабло начинает выть.

Ингрид смотрит вверх, на солярий школы дайвинга.

– Немецкая овчарка – это служебная собака, ее не полагается круглые сутки держать на цепи.

– Ее хозяин – Пабло. Его все терпеть не могут.

– Я знаю.

– Сегодня пойду освобождать этого пса.

– Правда? И как вы собираетесь это сделать?

– Еще не решила.

Она воздевает взор к небу.

– Будете смотреть ему в глаза и отмыкать цепи?

– Да.

– Это ошибка. Никогда так не делайте. Вы сможете на подходе замереть как дерево?

– Дерево никогда не замирает.

– Ну, тогда как бревно.

– Да, замру как бревно.

– Как лист.

– Лист никогда не замирает.

Она по-прежнему смотрела в небо.

– Есть одна сложность, Зоффи. Собака Пабло страдает от жестокого обращения. Как распорядиться свободой, она не знает. Начнет бегать по деревне и пожирать младенцев. Если вы спустите этого пса с цепи, придется отвести его в горы и там отпустить на волю. Вот тогда он станет по-настоящему свободным.

– Но в горах он умрет без воды.

Теперь она переводит взгляд на меня.

– Что хуже: сутками сидеть на цепи над плошкой воды или глотнуть свободы и умереть от жажды?

Одна ее бровь поползла вверх, точно вопрошая: Ты слегка истеришь? Заставила бармена распахнуть двое дверей, чтобы найти мужчину, которого нет; не смогла выключить воду; не умеешь водить машину – и собираешься вызволить одичавшего пса?

Она спросила, не хочу ли я прогуляться по пляжу.

Хочу.

Я сбросила шлепанцы, и мы спрыгнули с трех бетонных ступенек, отделяющих террасу кафе от пляжа. Что-то было в этом прыжке особенное: мы не сошли по ступенькам, а одновременно разбежались и прыгнули. А дальше помчались по песку, словно хотели поймать нечто такое, что – мы знали наверняка – там было, только до срока оставалось невидимым. Через некоторое время мы перешли на шаг и двинулись вдоль берега. Ингрид сбросила свои ботинки, а потом, взглянув на меня, зашвырнула их в море.

Я услышала свой крик «Нет-Нет-Нет». Подобрала юбку и пошла отвоевывать их у волн. Наконец, прижав ботинки к груди, я вышла из моря и вернула их Ингрид.

Она повертела каждый в руке, вылила из них воду и рассмеялась.

– Господи, эти мужские туфли. Я не хотела тебя напугать, Зоффи.

– Ты не виновата. Я не из-за этого перетрусила.

Зачем я это сказала? Разве я не из-за этого перетрусила?

Мы шли дальше, огибая песчаные замки, построенные детьми и их родителями, – целые замысловатые королевства с башнями и рвами. Девочку лет семи закопали по пояс в песок, ноги ее оказались похоронены заживо, а вместо них три ее сестры принялись выкладывать русалочий хвост. Мы перепрыгнули через эту малышку, снова пустились бежать и остановились только в конце пляжа. Когда я рухнула на гряду прибившихся к скале черных водорослей, то же самое сделала Ингрид Бауэр. Мы бок о бок лежали на спине, глядя на плывущий в синем небе синий воздушный змей. Я слышала ее дыхание. Змей вдруг съежился и начал опускаться. Мне захотелось, чтобы вся моя прежняя жизнь уплыла с набегающими волнами, а вместо нее чтобы началась совсем другая. Но что все это значит и как к этому подступиться, я не знала.

У Ингрид в заднем кармане шортов звонил телефон. Чтобы его достать, она перевернулась на живот, я тоже перевернулась, и мы подвинулись ближе друг к дружке. Мои растрескавшиеся губы соединились с ее полными мягкими губами, и мы стали целоваться. Начинался прилив. Я закрыла глаза и почувствовала, как море накрывает мои лодыжки; а в голову лезла экранная заставка моего ноута, созвездия цифрового неба, светящиеся розовые завитки из газа и пыли. Телефон не умолкал, но мы не переставали целоваться, и она держала меня за искусанное медузами плечо, сжимая лиловые рубцы. Было больно, но я даже не охнула, а потом она отстранилась, чтобы ответить на звонок.

– Я на пляже, Мэтти. Слышишь море? – Она протянула руку с телефоном к волнам, но ее чуть раскосые зеленые глаза не отрывались от меня. Одними губами она говорила: «Я опаздываю, жутко опаздываю», как будто винила меня за свое опоздание.

Совершенно сбитая с толку, я встала и пошла прочь.

И даже не обернулась, услышав за спиной свое имя. Девочка-русалка, по пояс закопанная сестрами в песок, теперь обзавелась полноценным хвостом-веером, украшенным ракушками и мелкой галькой.

– Зоффи Зоффи Зоффи.

Я брела, как в тумане. По моей воле произошло нечто. Дрожа, я сознавала, что слишком долго держала себя в узде: свое тело, свою кожу; а между прочим, слово «антропология» восходит к греческому *anthropos,* что значит «человек», и *logia*, что значит «изучение». При

том, что антропология – это наука, изучающая род человеческий с момента его зарождения миллионы лет назад и по настоящее время, сама я, антрополог, не очень-то преуспела в изучении собственной личности. Темами моих исследований в разное время становились культура австралийских аборигенов, иероглифы майя и корпоративная культура одной японской автомобилестроительной компании, а помимо этого я написала рефераты по внутренней логике других обществ, но нисколько не приблизилась к пониманию собственной логики. И вдруг это сделалось лучшим из всего, что со мной произошло. А самым сильным ощущением стало то, как она давила на мое искусанное медузами плечо.

На площади она пьет персиковый чай и мучается от жары, потому что ее голубая с черным клетчатая рубашка предназначена для зимы, а не для андалусийского лета. Мне кажется, она представляет себя ковбоем-одиночкой в рабочей одежде; по ночам ей не с кем любоваться холмистым горизонтом, некому сказать: о боже, какие звезды.

Стук

Вечером я слышу стук в окна нашего пляжного домика. Дважды проверяю – никого. То ли это чайки, то ли ветер бросается пляжным песком. Смотрю в зеркало и себя не узнаю.

Загорелая, с отросшими непослушными волосами и сверкающими белизной зубами на фоне смуглой кожи; глаза будто увеличились, засияли – чтобы плакалось легче, когда мама на меня кричит, кричит что-то вроде «Ты даже обувь не способна туго зашнуровать». И каждый раз я бегу к ней, опускаюсь на колени, спешно наклоняюсь и опять затягиваю шнурки, а они тут же развязываются – и так до того момента, пока я, сев, наконец, на пол, не кладу ее ступни себе на колени, чтобы развязать все старые узлы и завязать новые.

Процесс долгий: ослабить, распутать, начать сначала.

Я спросила, зачем ей вообще надевать обувь. Тем более на шнуровке. Уже стемнело, да и вечерних развлечений она не планировала.

– В зашнурованной обуви лучше думается, – заявила мама.

Не отрывая взгляда от побеленной стены, она полулежала, пока я возилась со шнурками. Разреши она повернуть кресло, могла бы сейчас любоваться звездным небом. Одно малейшее движение – и совсем другой вид, но это ее не интересует. Звезды будто причиняют ей обиду. Все до единой – ее оскорбляют. Мать говорит мне, что у нее перед мысленным взором и так есть вид. Это Йоркширское нагорье. Она идет по тропе, под ногами пружинят сочные травы, ей на голову мягко падает морось – легчайший дождик, а в рюкзаке лежит булочка с сыром. Вот бы мне тоже пройтись вместе с матерью по Йоркширскому нагорью; я бы с радостью намазывала маслом булочки и ориентировалась по карте. Когда я открываюсь маме, она отвечает полуулыбкой, как будто уже отреклась от своих ног в пользу кого-то другого. Я всю ночь нервничаю. Мне до сих пор чудится стук в окна. Вероятно, это мыши – возятся в стене.

– Вечно ты где-то далеко, София.

Не исключено, что это мой отец. Вернулся к нам, чтобы позаботиться о маме и дать мне отдохнуть. Не исключено, что это североафриканская беженка, вплавь добравшаяся до здешних берегов. Дам ей приют на одну ночь. Надо бы. Думаю, я могла бы это организовать.

– София, в холодильнике есть вода?

Вспоминаю таблички на дверях общественных туалетов. Они сообщают нам, кто мы такие.

Gentlemen – Ladies

Hommes – Femmes

Herren – Damen

Signori – Signore

Caballeros – Señoras

Неужели каждый из нас тайно присутствует в соседней табличке?

– Принеси мне воды, София.

Мне вспоминается, как Ингрид протягивала мобильный к волнам. *Я на пляже, Мэтти. Слышишь море?* Во время разговора со своим другом она положила ступню на внутреннюю поверхность моей правой ляжки, повыше колена.

Ее мужские туфли, брошенные на водоросли, покачивало приливом, как две маленькие плоскодонки. От темных, свободно плавающих водорослей исходил соленый минеральный запах, манящий, густой.

Я на пляже, Мэтти. Слышишь море?

Море, кишащее медузами.

Море, намочившее синие вельветовые шорты.

Я продолжаю развязывать старые узлы на маминых шнурках и завязывать новые. Нет, кто-то определенно стучится в оконное стекло. Причем теперь это не легкая дробь, а решительные удары. Сняв с колен мамины ступни, иду к дверям.

– Ты кого-то ждешь, София?

Нет. Да. Возможно. Не исключено, что я кого-то жду.

На ногах у Ингрид Бауэр серебристые римские сандалии с высокой шнуровкой; Ингрид раздражена.

– Зоффи, я стучу не знаю сколько!

– Я тебя не видела.

– Но я не отходила ни на шаг.

Она рассказывает, что обсудила мое положение с Мэтью.

– Какое положение?

– Отсутствие личного транспорта. Тут пустыня, Зоффи! Он вызвался завтра пригнать твою машину от клиники Гомеса.

– Машина была бы очень кстати.

– Покажи укусы.

Я закатала рукав и предъявила ей лиловые рубцы. Они начинали покрываться волдырями.

Ингрид обвела укусы пальцем.

– От тебя пахнет океаном, – шепнула она. – Как от морской звезды. – Палец проник ко мне подмышку. – На тебя охотились эти мелкие чудовища. – Она попросила номер моего мобильного, и я записала его у нее на ладони.

– В другой раз открывай, Зоффи, когда я постучусь.

Я сказала, что вообще не запираю дверь.

Наш пляжный домик темноват. Даже в летний зной толстые стены хранят в нем прохладу. Мы зачастую включаем свет не только вечером, но и днем. Вскоре после ухода Ингрид у нас вдруг вырубилось электричество. Пришлось мне залезть на стул, чтобы открыть щиток на стене возле ванной комнаты и щелкнуть предохранителем. Вспыхнул свет, я слезла со стула и пошла заваривать чай для Розы. Перед отъездом в Испанию она положила в чемодан пять упаковок йоркширского чая в пакетиках. В конце нашей улицы в Хакни есть магазинчик, где всегда продается такой сорт; она дошла до него своими ногами ради этой мелкооптовой закупки. Потом сама пришла домой. Вот загадка маминой хромоты. Иногда ее ноги выходят в свет как фантомные действующие конечности.

– Принеси ложку, София.

Я принесла.

Так жить невозможно. Всю дорогу на побегушках.

Время разбито, оно трескается, как мои губы. Записывая идеи для полевых исследований, я уже перестала понимать, в каком времени излагаю: в настоящем, в прошедшем или в обоих разом.

И собаку Пабло я так и не освободила.

Когда девушка-гречанка по ночам жжет антимоскитные спирали цитронеллы, я вижу плавные очертания ее живота и груди. Соски у нее темней, чем губы. Надо ей завязывать с привычкой спать голышом, если не хочет, чтобы в ароматной домашней тьме комары съели ее заживо.

Море идет к Розе

Когда Гомес повел маму обедать, я пообещала, что за столом буду нема как рыба. Это он запретил мне открывать рот и попросил, чтобы я доверилась его суждениям. И добавил, что медперсонал будет ежедневно забирать Розу из пляжного домика, а я смогу располагать своим временем. По вторникам он будет вызывать меня в клинику, поскольку я – мамина ближайшая родственница. А в остальном – выбор за мной. Гомес хотел поближе познакомиться с Розой, так как его реально озадачил ее случай. Его интересовала не причина ее инвалидности. Его интересовало, откуда у нее время от времени берется способность ходить. На первый взгляд этот недуг имеет сугубо физическую природу, но нельзя же быть рабом теоретической медицины. А каково мое мнение?

Гомесу я отвела роль своего ассистента: я наблюдаю этот случай всю жизнь, а Гомес только-только приступил. В том, что касается маминых симптомов, грань между победой и поражением расплывается. Как только он ставит диагноз, у мамы обнаруживается очередной симптом, который опровергает предыдущие заключения. Похоже, для него это не секрет. Вчера он велел ей изложить свои последние жалобы какому-нибудь мертвому насекомому, хотя бы мухе: ту легко прихлопнуть. Он предложил, чтобы она отдалась этому странному действу и внимательно прислушалась к монотонному предсмертному жужжанию насекомого. Есть вероятность, сказал Гомес, что она обнаружит сходство жужжащего звука, который многим режет слух, с тембром и тоном русской народной музыки.

Впервые в жизни вижу, чтобы Роза оглушительно хохотала, раскрыв рот. Между тем Гомес направил ее на всевозможные сканограммы, а его персонал следил, чтобы на правой ноге у мамы всегда была повязка с сульфадиазином серебра.

Столик на троих был заказан в ресторане на главной деревенской площади: Гомес рассудил, что маме относительно легко будет туда добраться. Но путь был тернист. Роза поскользнулась на скорлупе от фисташек, не убранной со вчерашнего вечера. До этого я битый час провозилась с ее шнурками, а в итоге маму свалил с ног орех размером не крупнее горошины.

Гомес поджидал за столиком. Во время обеда он сидел напротив Розы, а я, по его указанию, рядом с ним. Вместо официального костюма в карандашную полоску он надел элегантный кремовый льняной, не то чтобы совсем уж повседневный, но менее деловой, чем тот, в котором он впервые предстал перед нами в качестве знаменитого консультанта. Из нагрудного кармана пиджака торчал желтый носовой платок, сложенный на старинный манер: не под прямым углом, а наподобие круглой пуховки. Вид у Гомеса был щегольской, породистый и учтивый. Они с мамой уставились в меню, а я, как глухонемая, вывезенная на экскурсию, просто указала пальцем на первый попавшийся салат. После долгих раздумий Роза выбрала суп из белой фасоли, а Гомес с шиком заказал фирменное блюдо: осьминога на гриле.

Роза поспешила сообщить, что у нее аллергия на рыбу: сразу пухнут губы. Не дождавшись от Гомеса признаков понимания, она наклонилась вперед и ткнула меня в плечо.

– Расскажи ему о моих проблемах с рыбой.

Как наказывал мне Гомес, я промолчала.

Мама переключилась непосредственно на него.

– Я на дух не переношу рыбу. От вашего осьминога на меня повалит пар, и я вся покроюсь сыпью.

Гомес рассеянно покивал и взял ее за руку. Она вздрогнула, но, сдается мне, он проверял ее пульс, потому что его палец лег ей на запястье.

– Миссис Папастергиадис, вы принимаете вспомогательные средства, содержащие рыбий жир, а кроме того, вы принимаете глюкозамин. Эти препараты я отправлял на проверку в нашу

лабораторию. Ваша разновидность глюкозамина изготавливается из панцирей моллюсков. А первое средство содержит вытяжку из хряща акулы.

– Да, но на все другие породы рыб у меня аллергия.

– Акула – не моллюск.

Его золотые резцы сверкнули на солнце. Он мог бы заказать столик в тени, а так белая дорожка у него в волосах пропиталась потом, от которого пахло имбирем.

Когда Роза потянулась за картой вин, он ловким движением выхватил у нее папку и отодвинул на край стола.

– Нет, миссис Папастергиадис. Работать с подвыпившей пациенткой не в моих правилах. Я ведь не стал бы предлагать вам вино у себя в кабинете. Считайте, что я всего лишь изменил место. У нас сейчас очередная консультация; не вижу препятствий для проведения ее под открытым небом.

Жестом подозвав официантку, Гомес заказал бутылку определенной минеральной воды, которую, как он объяснил Розе, разливают в Милане, затем экспортируют в Сингапур, а уже оттуда везут в Испанию.

– Ах, Сингапур! – Он хлопнул в ладоши, сигнализируя, очевидно, что требует безраздельного внимания. – В прошлом месяце я был на конференции в Сингапуре и сильно разволновался. Чтобы успокоиться, мне посоветовали утром кормить карпов в гостиничном фонтане, а днем созерцать Южно-Китайское море. Ну, не прекрасно ли это звучит… «Южно-Китайское море»?

Роза содрогнулась, точно сама мысль о чем-то прекрасном была для нее личным оскорблением.

Гомес откинулся на спинку кресла.

– На крыше моей гостиницы был устроен бассейн, куда туристы из Великобритании ходили пить пиво. Сидя по брюхо в воде, они накачивались пивом и ни разу даже не взглянули в сторону Южно-Китайского моря.

– Мне кажется, это чрезвычайно приятно: пить пиво в бассейне, – резко высказалась Роза, напомнив ему заодно, что сама она – не любительница запивать обед водой.

Золотые резцы полыхали огнями.

– Вы сидите на солнце, миссис Папастергиадис. Витамин Д показан для ваших костей. Вам необходимо пить воду. А теперь у меня к вам серьезный вопрос. Ответьте: почему вы, англичане, говорите «вай-фай», а у нас в Испании говорится «вии-фии»?

Роза пригубила воду с таким видом, будто ей порекомендовали пить собственную мочу.

– Очевидно, из-за различия в произношении ударных гласных, мистер Гомес.

Посреди площади тощий мальчишка лет двенадцати надувал резиновую лодку. На голове у него был зеленый «ирокез»; нога давила на пластмассовую педаль насоса, а рука отправляла в рот мороженое. Время от времени к нему подбегала пятилетняя сестренка и проверяла, не превратился ли жеваный ком резины в нечто годное для мореплавания.

Официант подал салат и фасолевый суп, балансируя тарелками на согнутой руке. А потом склонился над плечом Гомеса, чтобы театральным жестом опустить на бумажную подложку огромное блюдо, на котором красовался *pulpo alla griglia* с лиловыми щульцами.

– О, да, *gracias*, – сказал Гомес на своем испано-американском наречии. – Я мог бы питаться одними этими созданиями! – Перед ним на бумажной подложке стояло огромное блюдо с *pulpo*, раскинувшим лиловые щупальца. – Главное украшение – маринад… несколько видов красного перца, лимонный сок, паприка! Кланяюсь этому древнему обитателю морских глубин. Спасибо, пульпо, за твой ум, тайны и необыкновенные защитные механизмы.

У Розы на левой щеке выступили два красных прыща.

– Известно ли вам, миссис Папастергиадис, что в целях маскировки осьминог способен менять цвет кожи? Как американец, я до сих пор считаю, что пульпо – загадочное существо, маленький *monstruo*, но моя испанская кровь находит это чудовище вполне симпатичным.

Он занес нож и отсек пупырчатое синюшное щупальце. Правда, есть не стал, а бросил на пол, недвусмысленно приглашая деревенских кошек разделить с ним обед. Те набежали со всех сторон и стали кружить у его ботинок, готовясь вступить в драку за порцию морского чудовища. А Гомес изящным движением отпилил кусочек резиновой тушки и с вожделением положил в рот. Через некоторое время он надумал отдать в кошачьи лапы еще три щупальца.

Мама притихла и подозрительно застыла. Не как дерево, не как лист, не как бревно. Она застыла как труп.

– Мы обсуждали «вай-фай», – продолжил Гомес. – Скажу вам ответ на свою загадку. Я говорю «вии-фии» потому, что это рифмуется с «се ля ви».

У него на штиблетах сидела троица тощих кошек.

По всей видимости, Роза все же дышала, потому что она взъелась на Гомеса. Белки глаз порозовели и припухли.

– Где вы изучали медицину?

– В Университете Джонса Хопкинса[4], миссис Папастергиадис. В Балтиморе.

– Он шутит, – громко прошептала Роза.

Насадив на вилку помидор, я не отвечала. И все же меня тревожило, что у мамы то и дело закрывается левый глаз.

Гомес спросил, получила ли она наслаждение от фасолевого супа.

– «Наслаждение» – это сильно сказано. Безвкусная жижица.

– Разве «наслаждение» – это сильное словцо?

– Оно не отражает моего отношения к этому супу.

– Надеюсь, ваш аппетит к наслаждениям вернется, – сказал Гомес.

Своими розовыми глазами Роза уставилась мне в глаза. Я предательски отвела взгляд.

– Миссис Папастергиадис, – заговорил Гомес. – У вас есть враги, которых вам бы хотелось со мной обсудить?

Она тоже откинулась на спинку кресла и вздохнула.

Что есть вздох? Вот еще одна подходящая тема для полевого исследования. Что это: просто длительный, глубокий, шумный вдох и следующий за ним выдох? У Розы вздох получился прочувствованный, но не сдерживаемый. Отчаянный, но не грустный. Вздох перезапускает дыхательную систему; следовательно, мама, наверное, долго задерживала дыхание, а это заставляет предположить, что нервничала она сильнее, чем показывала. Вздох – это эмоциональная реакция на трудную задачу.

Я знала, что мама уже обращалась мыслями к своим врагам: у нее был составлен список. Нет ли в нем меня?

К моему удивлению, отвечала она спокойно, почти дружеским тоном.

– Первыми моими неприятелями были, конечно, родители. Они терпеть не могли иностранцев, и я, естественно, связала свою судьбу с греком.

Гомес улыбнулся синюшными от чернил осьминога губами.

И сделал моей маме знак продолжать.

– Родители отошли в мир иной, держась за добрые темнокожие руки ухаживавших за ними сиделок. Наверное, нехорошо сейчас осуждать. Но тем не менее. В мир иной, мои родители. Напомните мне прислать вам имена больничных сиделок, не отходивших от их смертного одра.

---

[4] Университет Джонса Хопкинса – частный исследовательский университет, основанный Джонсом Хопкинсом в городе Балтимор, штат Мэриленд, США. Филиалы университета расположены также в Нанкине (Китай) и в Болонье (Италия).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.